

В. А. Зверев

ПРИРОДНЫЕ ФАКТОРЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX вв.

Опубликовано: *Зверев, В. А.* Природные факторы воспроизводства сельского населения Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. / В. А. Зверев // Влияние переселений на социально-экономическое развитие Сибири в эпоху капитализма : межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. Е. И. Соловьева. – Новосибирск : Новосиб. гос. пед. ин-т, 1991. – С. 63–80.

В историографии последнего времени проявляется стремление дополнить объективно-системный (формационный) подход субъективно-деятельностным и гуманистически-личностными подходами, позволяющими понять развитие общества как процесс и результат жизненной активности людей. Приходится констатировать, однако, что «человеческое измерение» процесса общественного развития еще не заняло подобающего места в исследованиях по исторической демографии, главным предметом которых является воспроизводство населения в конкретных социально-исторических условиях

Действуя в рамках определенных условий под их стимулирующим, направляющим или ограничивающим влиянием, но обычно относительно автономно, на основе своих представлений о мире и собственных программ поведения, субъекты жизни (личность, социальная группа, общество в целом) воспроизводят, т. е. формируют, поддерживают, видоизменяют и заменяют как эти объективные условия, так и самих себя, свою ментальность и свои культурные программы, средства их реализации в ходе смены поколений. В основе этого процесса лежит возобновление и развитие жизненной силы людей, а также физическая замена старящихся и умирающих поколений вновь родившимися и молодыми.

Поэтому в структуре воспроизводства нами особо выделяется сфера демографического поведения людей — система действий (поступков), прямо или опосредованно направленных на физическое воспроизводство населения. Сюда отнесено брачное поведение — заключение и прекращение браков, регулирование семейной структуры; репродуктивное поведение — зачатие, вынашивание и рождение детей; витальное поведение — забота о физическом здоровье и развитии, реализация отношения к старости и смерти.

Поскольку физическая замена одних поколений другими в конкретной стране и регионе происходит не в изолированном пространстве, постольку в населении наряду с местными уроженцами мы обычно видим людей, приселившихся извне; некоторая часть местных жителей в свою очередь тоже меняет местожительство. В соответствии с этим в структуре демографического поведения можно еще выделить область миграционного поведения —

действий или поступков, которые приводят к миграциям населения, изменяющим либо восстанавливающим географическое размещение людей.

Данная статья посвящена конкретно-историческому анализу основных из тех внешних природных (экологических, биологических, физико-географических) условий, которые с минимальной опосредованностью — прежде всего через осмысленное в большей или меньшей степени демографическое поведение крестьян — определяли в 1861—1917 гг. особенности, количественные и качественные характеристики воспроизводства русского сельского населения Сибири. В нашем случае эти факторы могут рассматриваться в качестве именно природных только с оговорками, поскольку в поздние исторические эпохи, особенно начиная с эпохи капитализма, географическая, природная среда «воздействует на культуру и на формы социальной организации в сочетании с другими важнейшими факторами (формационным уровнем общества, конкретными историческими обстоятельствами) и главным образом опосредованно через них»¹. Собственная же биологическая природа индивидов и людских сообществ обычно преломляется в их образе жизни через социальную сущность человека.

Географические пределы Сибири в настоящей статье ограничены Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерниями, Акмолинской и Забайкальской областями.

В качестве основного вида конкретно-исторических источников нами использованы статистические материалы и результаты их первичной обработки исследователями второй половины XIX — начала XX вв. Этот комплекс можно разделить на следующие составные части:

1. Данные учета прямого (на восток за Урал) и обратного движения мигрантов на узловых переселенческих пунктах, а также в местах выхода (по Южнороссийскому региону). Они позволяют, в частности, определить районы предполагаемого вселения мигрантов, установить сравнительное влияние природно-климатических факторов на развитие «обратничества».

2. Материалы массовых обследований демографической структуры и экономической деятельности переселенческих и старожильческих домохозяйств в целом по Сибири и в ее местностях, имеющих отчетливое ландшафтное и природно-климатическое своеобразие.

3. Статистические данные об естественном движении сельского населения (рождаемости, брачности, смертности) в отдельных губерниях и крупных регионах Азиатской России за многолетние периоды.

4. Опубликованные материалы центральной медицинской статистики — ежегодные отчеты Медицинского департамента за 1876–1895 гг., Управления главного врачебного

¹ Арутюнов С. А. Среда природная // Свод этнографических понятий и терминов. М., 1989. Вып. 3. С. 175.

инспектора за 1896—1914 гг. Они являются результатами обобщения в Министерстве внутренних дел частично сохранившихся в архивах и тоже привлеченных нами к разработке отчетов местных медицинских учреждений. Врачебные органы публиковали сведения (правда, приблизительные) о распространении ряда заболеваний под неблагоприятным воздействием тех или иных компонентов природной среды. Следует отметить, что медицинская статистика и отчетность пока очень слабо привлекаются историками-сибироведами для разработки демографических и смежных с ними проблем.

При работе над статьей анализировались также другие источники, игравшие в данном случае вспомогательную роль: делопроизводственные материалы (отчеты губернаторов, протоколы заседаний Омского медицинского общества); этнографические описания образа жизни сибиряков в его природном «обрамлении»; записки и очерки окружных врачей; корреспонденции с мест, опубликованные в периодических изданиях, и т. д.

Влияние природных условий на процессы воспроизводства населения вряд ли может быть оспорено, но специалистами по истории Сибири комплексно этот сюжет не исследовался. В богатой литературе о крестьянстве эпохи капитализма выделяются статьи П. Д. Верещагина, А. В. Минжуренко и других ученых, специально посвященные одному из аспектов темы — воздействию природных условий на развитие аграрных миграций в России и заселение восточных окраин². Авторы справедливо подчеркивают, что роль экологического фактора в успехе устройства новоселов должна рассматриваться с учетом определяющего влияния социально-экономического фактора и политики правительства. Множество переселенцев оседало не там, где для их жизни были наиболее благоприятные географические условия, а там, куда их полунасильственно «приселяли» или где удавалось «зацепиться». Конкретный анализ показывает в то же время: при прочих равных условиях переселенцы стремились к привычной для них или более предпочтительной ландшафтной и климатической среде, лучше чувствовали себя и быстрее «приживались» в тех районах Сибири, где обстановка была более или менее схожей с условиями мест выхода.

В литературе о переселениях сейчас, возможно, возникает тенденция к преувеличению роли эколого-географических условий. Так, В. М. Кабузан пишет: «Большую, а в ряде случаев и решающую роль в более быстром росте населения окраин играл именно природно-

² См.: *Верещагин П. Д.* К вопросу о роли географического и социального факторов при выборе крестьянами-переселенцами мест водворения за Уралом в период капитализма (80-е гг. XIX в.) // Проблемы исторической географии России. М., 1982. Вып. 2. С. 188—198; *Минжуренко А. В.* 1) Влияние природно-географического фактора на устройство переселенцев Сибири (конец XIX — начало XX вв.) // Проблемы исторической демографии СССР. Томск, 1980. С. 263—275; 2) Заселение и хозяйственное освоение крестьянами-переселенцами степной полосы Западной Сибири в конце XIX — начале XX вв. // Проблемы исторической географии... С. 199—211; 3) Роль природных условий Сибири в массовом переселенческом движении крестьян за Урал периода капитализма // XXVII съезд КПСС и проблемы взаимодействия общества и природы в различных исторических этапах. М., 1987. С. 128—129; и др.

климатический фактор (наличие значительных черноземных, нередко еще не освоенных земель и более благоприятные климатические условия)»³. Однако, например, на северо-восточных окраинах России, по заключению специалистов, природные медико-географические условия жизни людей в целом менее благоприятны, чем в центре страны. При всем разнообразии ландшафта и климата «в Сибири нет районов с комфортными территориями»⁴. Тем не менее, при капитализме, особенно в период середины 1890-х — 1914 г., наблюдались опережающие темпы заселения сельских местностей Сибири по сравнению с окраинами Европейской России, причем здесь сочетались высокие показатели как механического, так и естественного прироста. Если роль природно-географического фактора в миграциях за Урал была по каким-то причинам не столь важной, как в случаях с окраинными европейскими районами, то следует выяснить причины такого положения, однако сам по себе этот тезис еще нужно доказать.

Обширная литература и многочисленные первоисточники показывают, что природно-географические (экологические) условия оказывали влияние на миграционное поведение крестьян на всех стадиях переселения, как прямого, так и обратного, а также вторичного. Хорошо известно, что крестьянство, населявшее различные естественно-исторические зоны России, в разной степени было втянуто в переселенческое движение. И определенную роль здесь, наряду с зональными различиями в интенсивности развития капиталистических отношений, степени земельного утеснения, напряженности революционного движения и т. д., играли расположенность транспортных магистралей, расстояние до основных районов колонизации, сравнительные природно-климатические, ландшафтные, почвенные характеристики мест выхода и предполагаемого вселения.

«О Сибири на основании писем ранее переселившихся и рассказов разных ходоков распространялись самые противоречивые слухи: одни говорили, что земли тут много, воды довольно, лесу тоже, урожаи хорошие; другие утверждали, что здесь холода, почвы либо каменистые, либо супесчаные», — отмечается в материалах массового опроса мигрантов Степного края, проведенного в начале XX в.⁵ Некоторые переселенцы располагали, впрочем, лишь односторонней (исключительно позитивной) информацией о природе Сибири, другие же считали возможным или были вынуждены пренебречь негативными сообщениями в надежде на то, что социально-экономические преимущества жизни «на вольных землях» перевесят все неудобства.

³ Кабузан В. М. Природно-климатические условия и воспроизводство населения (естественный прирост) в России в XIX — начале XX вв. // XXVII съезд КПСС... С. 126.

⁴ Мисевич К. П., Ряценок С. В. Географическая среда и условия жизни населения Сибири. Новосибирск, 1988. С. 8.

⁵ Материалы по переселенческому хозяйству в Степной и Тургайской областях, собранные и разработанные Экспедицией по исследованию Степных областей. СПб., 1907. Т. 5. С. 31.

Принимая решение о переселении, значительная часть мигрантов старалась все же уточнить применительно к определенным местностям сведения по экологии и по возможности учитывать их. Государственными органами, стремившимися управлять переселенческим движением, экологический фактор тоже в известной степени принимался во внимание. В итоге, например, в 1860—1870-х гг. из всех государственных крестьян в Западную Сибирь переселялись главным образом жители Пермской и Вятской губерний — ближайших по расстоянию и наиболее сходных по природным условиям. При статистическом анализе массового миграционного потока в Сибирь из южнороссийской зоны в годы Столыпинской аграрной реформы выясняется, что крестьяне Полтавской губернии сильнее всего тяготели к Акмолинской области (25,5 % всего выхода за 1906—1912 гг.), воронежцы — исключительно сильно стремились в Томскую губернию (58,4 %), выезжавшие с Волыни Тюкалинскому уезду Тобольской губернии предпочитали Тарский, Ишимский или Туринский уезды и т. д.⁶ Краеведческие материалы выделяют ту же закономерность. Так, в одном источнике читаем: «... русское население северной части Минусинского района является очень смешанным, но большинство переселенцев — это украинцы, которых, по-видимому, привлекал степной характер нашей местности»⁷.

Выбирая место и порядок переселения, определяя маршрут движения и род транспорта, регулируя состав семейной ячейки, составляя бюджет на время миграции и устройства на новом месте, переселенцы волей-неволей должны были учитывать природно-географические факторы. Приведем некоторые примеры из области демографии переселенческого домохозяйства. По данным регистрации в Челябинске и Сызрани, величина крестьянских семейств, переезжавших в 1896—1914 гг. в различные губернии и области Сибири, составляла в среднем от 4,4 до 6,6 человек⁸. При этом наиболее людными были семьи, следовавшие в основные районы колонизации — на юг Томской, Тобольской и Енисейской губерний, северо-восток Степного края. Природа данных местностей имела хорошую репутацию, и это была одна из причин, по которым крестьяне не боялись ехать сюда всей семьей, брать с собой малых детей и стариков. Те же сравнительно немногочисленные семьи мигрантов, которые выбрали для поселения самые дальние степные, горные и таежные районы, в предвидении огромных трудностей были реже обременены детьми, старались оставить на родине больных и престарелых своих членов, чаще переселялись в два-три приема.

⁶ См.: Переселение в Сибирь из 8 губерний, входящих в состав Южнорусской областной земской переселенческой организации: За 1906—1912 гг. Полтава, 1913. Вып. 1. С. 31, 34.

⁷ МКМ, оп. 4, д. 122, л. 1.

⁸ Подсчитано по источникам: Турчанинов Н. Итоги переселенческого движения за время с 1896 по 1909 г. (включительно). СПб., 1910. С. 48—60; Турчанинов Н., Домрачев А. Итоги переселенческого движения за время с 1910 по 1914 г. (включительно). Пг., 1916. С. 48—60.

Даже в рамках одной крупной административной единицы различия в демографии естественных зон были существенными. Массовое обследование крестьянских хозяйств Томской губернии в 1911—1913 гг. показало: хорошо приспособившиеся к местным условиям старожилы имели наиболее крупное домохозяйство в таежной полосе (6,1 души при средней людности старожильского двора по губернии в 5,8 человек)⁹. Только многолюдный двор «чалдона» содержал здесь достаточное для ведения многопрофильного хозяйства в тяжелых условиях количество рабочей силы. Переселенческие же семейства, поселявшиеся на вновь образуемых участках в таежной полосе, были минимальными по составу (4,8 человек при средней по губернии величине в 5,3 души в момент водворения)¹⁰. Таежные и урманые домохозяйства мигрантов содержали меньше всего младших детей и стариков, калек и физически немощных членов, а поэтому в относительном выражении были «обеспечены рабочей силой как мужской, так и женской в большей мере, чем хозяйства в местностях менее лесистых, что указывает на правильность распределения переселенческой массы по отдельным полосам в смысле соответствия количества рабочей силы местным природным условиям и степени трудности ведения при них сельского хозяйства»¹¹. После водворения на относительном приволье большинство новоселов — молодых и физически сильных людей — быстро увеличивало людность своего домохозяйства.

Пополняя сельское население Сибири, переселенцы на каждом шагу испытывали на себе влияние новой географической среды и вынуждены были согласовать с ней свое демографическое поведение. «Селения, отличающиеся особым удобством расположения относительно рынков и путей сообщения, или славящиеся плодородием почвы, обилием лесов, рыбной ловли и других угодий, привлекают к себе множество новых поселенцев, готовых заплатить даже высшую плату за право основать здесь свое хозяйство», — констатировал И. А. Гурвич, специально изучавший переселенческое движение 1861 — середины 1880-х гг., направлявшееся преимущественно на Алтай¹². В других местностях на протяжении всей эпохи капитализма мигранты тоже стремились приселиться к селениям сибиряков-старожилов, прежде основанным поселкам земляков-переселенцев, к домохозяйствам родственников, уехавших на восток ранее. Это в какой-то степени не только обеспечивало хозяйственную помощь на первое время, но и помогало воспользоваться

⁹ Подсчитано по источнику: Переселенцы, приселившиеся к старожилам, и старожилы Алтайско-Томской части Сибири: Материалы статистико-экономического исследования. Томск, 1927. С. 173—174, 188—189.

¹⁰ Подсчитано по источнику: Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Томской губ. Томск, 1913. Вып. 2. С. 301—364.

¹¹ Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Сибири. СПб., 1913. Вып. 5. С. 9.

¹² Гурвич И. А. Переселения крестьян в Сибирь. М., 1888. С. 87.

опытом и результатами приспособления местного хозяйства к непростой экологической ситуации, сберечь силы и здоровье «домашних» (членов семьи).

В то же время переселенческая политика царизма была построена таким образом, что часть мигрантов оказывалась заброшенной в ненаселенные отдаленные местности с совершенно незнакомой и крайне неблагоприятной природно-географической средой. Неимоверные трудности «приспоровливания» хозяйства и быта к такой среде, неудачи в деле ее оптимизации входили в число важнейших причин вторичных и обратных миграций в Сибири.

С мест приписки и первоначального поселения многие уезжали, объясняя свой шаг так: «не поглянулся урман», «климату нету», «зима больно большая», «придет праздник Спаса, а тут у тебя ни яблоков, ни груш», и т. п.¹³ Согласно показаниям на переселенческих пунктах самих «возвращенцев» за 1906—1911 гг., по крайней мере 38,3 % семей переселенцев Черниговской губернии, вынужденных вернуться на родину, сделало это из-за неблагоприятных физико-географических условий мест водворения в Сибири, еще 12,1 % — из-за неурожаев, постигших хозяйства, в частности и по причине их экологической неприспособленности¹⁴. Даже те, кто постепенно адаптировался к сибирской природе, иногда всю жизнь чувствовали себя здесь неуютно. Например, жительница д. Кирюшки Кривошеинского района Томской области Е. В. Попеляева, приехавшая сюда с родителями из Пензенской губернии в 1911 г. в 13-летнем возрасте, вспоминала позже: когда первый раз отец отправил жену и дочек на прополку хлебов, те очень быстро вернулись домой, потому что «гнус заел». Рассказчица долго горько плакала по ночам, так ей не нравилось в Сибири¹⁵.

Полное «осибирячивание» новоселов — адаптация их хозяйства, изменение жилища и обуви, других элементов материальной культуры, существенная корректировка ментальности и образа жизни с учетом сибирских реалий (в том числе природных) — наступало, как правило, лишь во втором, а то и в третьем поколении мигрантов. Важную роль в этом играли смешанные браки старожилов и новоселов¹⁶.

Географический фактор активно сказывался не только на развитии переселенческого движения, на миграционном поведении крестьян. Расстояние между населенными пунктами, тесно связанное с их величиной, существенно влияло на размеры брачного круга местных

¹³ ЦГИА, ф. 1284, оп. 194, д. 70, л. 44; *Кауфман А. А.* Хозяйственное положение переселенцев, водворенных на казенных землях Томской губ. СПб., 1895. Т. 1, ч. 2. С. 13; Прибавление к всеподданнейшему докладу министра земледелия и государственных имуществ по поездке в Сибирь осенью 1895 г. СПб., 1896. С. 110; и др.

¹⁴ Переселение из Черниговской губ. в 1909—1911 гг. Чернигов, 1913. С. 47.

¹⁵ ОПИ ГИМ, ф. 475, оп. 1, д. 3, л. 20.

¹⁶ Там же, ф. 476, оп. 1, д. 11, л. 18; Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. СПб., 1892. Вып. 17. С. 88; Осибирячивание переселенцев // Восточное обозрение. 1884. 2 авг.

жителей. Повсеместно в России в изучаемую эпоху большинство браков заключалось между однодеревенцами (унилокальный брак) или жителями близлежащих селений. В наиболее освоенных районах юга Западной Сибири, где селения располагались сравнительно недалеко друг от друга, круг основных брачных связей ограничивался, по данным этнографа В. А. Липинской, 10—20 км¹⁷. В менее заселенных местностях на севере и востоке женихам, не нашедшим пары в своей деревне, приходилось объезжать «соседние», располагавшиеся нередко за 50—80 км и далее¹⁸.

На брачном поведении крестьян сильно сказывался такой фактор, как состояние их здоровья, в том числе в том его аспекте, который определялся природой, в первую очередь через биологическую наследственность. Было затруднено вступление в брак выходцев из семей, известных своими наследственными болезнями и пороками: с ними избегали «родниться» знакомые и соседи. Первая Всеобщая перепись населения России в 1897 г. дала такие сведения: в целом по сельской местности Сибири среди «лиц одержимых физическими недостатками» (слепота, глухонмота немота, сумасшествие), независимо от возраста состояло в браке лишь 24,6 %, в том числе 27,7 % мужчин и 21,2 % женщин. В то же время во всем сельском населении доля состоявших браке была почти вдвое больше — 40,8 %, в том числе у мужчин — 40,0, у женщин — 41,7 %¹⁹.

Имелись и другие аспекты влияния географического фактора на брачное поведение крестьян в Сибири. Немалое число людей вынуждено было здесь годами жить «без венца» (в незаконном браке) вследствие большой отдаленности их деревень от ближайшей церкви²⁰. Некоторая часть новоселов столкнулась с тем, что не могла в Сибири создать семьи — не позаботилась взять от своих прежних приходских причтов документы, необходимые для венчания. Связь с местами выхода, отстоявшими иногда на тысячи верст от новых мест жительства, была крайне затруднена. По словам епископа Томского и Барнаульского Макария, в таких случаях переселенцы, ходатайствовавшие о вступлении в брак «ставятся в затруднительное положение, ропщут на причт и нередко вступают в незаконное сожитительство»²¹. В момент наступления волны массовых «столыпинских» миграций в 1906 г. томский архипастырь был вынужден испросить у Синода распространения на его паству «мер к облегчению совершения браков». Переселенцев, не

¹⁷ См.: *Липинская В. А.* Семейно-брачные связи у русских крестьян Западной Сибири в конце XIX — начале XX вв. // Культурно-бытовые процессы у русских Сибири, XVIII — начало XX вв. Новосибирск, 1985. С. 71.

¹⁸ См., например: *Майнов И. И.* Крестьянская свадьба по р. Илимю (Иркутской губ.) // Живая старина. 1914. Вып. 1/2. С. 47.

¹⁹ Подсчитано по источнику: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб, 1904—1905. Т. 73. С. 18, 102; Т. 74. С. 20, 104; Т. 75. С. 18, 96; Т. 78. С. 26, 136; Т. 79. С. 24, 136; Т. 81. С. 18, 74.

²⁰ См., например: *Третьяков П. И.* Туруханский край, его природа и жители. СПб., 1871. С. 123.

²¹ ЦГИА, ф. 796, оп. 187, д. 3624, л. 63. См. также: ЦГИА, ф. 391, оп. 4, д. 286, л. 152; ТФ ГАТюМО, ф. 156, оп. 29, д. 2202, л. 244—246.

имевших нужных документов, разрешено было «венчать по паспортам без истребования метрических выписей, когда жениху показано 18, а невесте 16 лет, когда не сказано о вдовцах — после которого брака вдовствуют, — венчать таковых на основании свидетельских показаний, удостоверяемых в деревнях и селах, где нет волостных правлений, сельскими старостами»²².

Природные биологические циклы в сильной степени определяли особенности брачного возраста и календарного времени вступления в брак в различных регионах России. Этнограф Т. А. Бернштам установила повышение границ совершеннолетнего возраста и брачной возрастной нормы в европейской части страны в широтном направлении с юга на север²³. Имеющиеся в нашем распоряжении данные по Азиатской России вполне вписываются в эту закономерность. Статистика браков показывает: для русских крестьян и казаков Сибири в целом было характерно позднее наступление биосоциального совершеннолетия (у девушек начало вступления в брак — в 15—16 лет, пик — в 17—21 и конец в основном — 27—30 лет)²⁴. Влияние природных циклов на распределение свадеб по временам года и месяцам в очень сильной степени сглаживалось календарем хозяйственных работ, религиозных праздников и постов, состоянием бюджета домохозяйства и прочими экономическими и культурными факторами.

Природные процессы сказывались на репродуктивном поведении крестьян и через него — на рождаемости населения. В статистике второй половины XIX — начала XX вв. считалось установленным существование двух годовых максимумов рождаемости: 1) «космического» в январе-феврале, происходившего от увеличения числа зачатий весной в результате активизации жизненной энергии людей после зимнего оцепенения; 2) «бытового» в июле-ноябре, который соответствовал учащению зачатий в осенне-зимний период, когда сельское население после окончания основных земледельческих работ пользовалось отдыхом, относительным изобилием продуктов питания и приурочивало к этому времени свои свадьбы.

Анализ больших массивов статистических данных о годовом определении рождений в самых разных местностях и категориях сельского населения Сибири приводит к такому выводу: на азиатском северо-востоке России «космический» (природный) максимум зачатий

²² ЦГИА, ф. 796, оп. 187, д. 3624, л. 63.

²³ См.: *Бернштам Т. А.* Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX — начала XX вв.: Половозрастной аспект традиционной культуры. Л., 1988. С. 42—49.

²⁴ Подсчитано по данным: *Зверев В. А.* 1) Брачный возраст и количество детей у русских крестьян Сибири во второй половине XIX — начале XX вв. // Культурно-бытовые процессы... С. 73—80; 2) Крестьянское население Сибири в эпоху капитализма (проблемы физического и социального возобновления). Новосибирск, 1988. С. 14—17.

и рождаемости был выражен в эпоху капитализма слабо²⁵. Это соответствовало в целом тенденции уменьшения данного максимума в Европе по мере удаления с юга на север. «Следовательно, сибирская весна, со своею бедною природою, не производит на население того оживляющего влияния, которое наблюдается на западе», — вынужден был отметить в 1890 г. врач В. П. Гедройц-Юраго²⁶. В то же время в Сибири ярко проявлялся максимум зачатий осенью и зимой (кроме декабря — здесь отмечался Филипповский пост). Меньше всего зачатий происходило в августе. В момент кульминации сельскохозяйственного года короткое сибирское лето напоминало: «В августе три заботы — и косить, и пахать, и сеять»²⁷. В условиях одновременного созревания многих культур, относительной обширности запашки и дальнего расположения важнейших угодий хозяйственные работы были очень напряженными. По той же причине недосуг и физическая усталость снижали частоту зачатий ниже средних годовых величин также в мае и июле.

Природные (медико-географические) условия, разумеется, в значительной степени детерминировали физическое состояние сельчан, продолжительность их жизни и уровень смертности. Очень неблагоприятным в этом смысле было положение переселенцев в период миграции и на первых порах их проживания в Сибири после переезда. «Переселенцы находятся в пути при самых антигигиенических условиях и, изнуренные лишениями и голодом, не могут устроить себе сразу на зиму сколько-нибудь сносные избы, а скучиваясь в самых тесных помещениях по несколько семей вместе, продолжают бедствовать от недостатка пищи и от морозов», — свидетельствовал в 1910 г. компетентный алтайский чиновник²⁸. До постройки железной дороги в долгом пути, тянувшем иногда 2—4 месяца, мигранты были особенно слабо защищены от простуды и инфекций. В конце XIX — начале XX вв. высокая дорожная смертность стала главным образом результатом свирепствовавших на переселенческих пунктах, где под открытым небом в антисанитарных условиях скапливалось множество людей, эпидемий заразных болезней.

По мере своего продвижения в Сибирь переселенцы зачастую переносили сюда очаги эпидемий. Так, в 1907 г. в Томскую губернию холера была занесена по железной дороге новоселами. Первые случаи заболевания были отмечены в Новониколаевске на переселенческом пункте станции Обь; отсюда «поветря» на пароходах заболевавшими в пути

²⁵ См.: *Белявский А. К.* Рождаемость, брачность и смертность г. Стретенска Забайкальской обл. с его окрестностями за время с 1840 по 1920 г. // Известия Общества врачей Южно-Уссурийского края. 1925. № 21. С. 663; *Гедройц-Юраго В. П.* Санитарно-статистический очерк 3-го участка Сибирского казачьего войска (1878—1887 гг.) // Протоколы Омского медицинского общества. Омск, 1890. № 8. С. 146—148; *Ефимов А. И.* Православное население Томской губ. по данным 1870—1880 гг.: Демографический очерк. СПб., 1890. С. 11—13.

²⁶ *Гедройц-Юраго В. П.* Санитарно-статистический очерк... С. 146—147.

²⁷ ИРЛИ, разр. V, к. 78, п. 7, № 640, л. 2.

²⁸ *Шейнфельд В. П.* Бийский уезд Томской губ.: Топографический, экономический и этнографический очерк уезда. Бийск, 1910. С. 55.

пассажирами-переселенцами была разнесена по селам Барнаульского уезда, прежде всего в Бердское, Камень, а затем на юг в Бийский уезд через с. Пристань (там находился большой переселенческий этап) и в Змеиногорский уезд. На следующий год картина распространения эпидемии в губернии повторилась. В 1908 г. и в Акмолинскую область переселенцы из Европейской России занесли эпидемию холеры²⁹. Частые вспышки дизентерии, скарлатины, кори, тифа, коклюша, оспы, дифтерита, холеры уносили в могилу в крестьянских семьях прежде всего детей.

По данным обследования в 1903—1904 гг. 233 переселенческих поселков, населенных прибывшими за предшествующее десятилетие крестьянами, 80,8 % из 14 440 умерших здесь новоселов были детьми в возрасте до 10 лет³⁰. Во всем сельском населении, судя по материалам 1902—1904 гг. по Тобольской, Енисейской и Иркутской губерниям, доля детей до 10 лет включительно в общем числе умерших ненамного уступала этому показателю, составляя около 70 %³¹. Характерна корреспонденция из Мариинского уезда Енисейской губернии, где заброшенные в непроходимую тайгу жители переселенческих поселков Романовского и Сиротальского слезно просили в 1907 г. о переводворении их в Колыванскую волость: «Там еланей больше и река лучше, меньше лесу». «Ребята мрут, да и взрослые тоже. Почти в каждой семье слышишь — везли четырех-троих, а осталось один-два», — в таких выражениях рисовали свое бедственное положение таежные «колонизаторы»³².

Во многих источниках указывается, что суровость климата северо-восточной Азии была одной из специфических причин повышенной смертности в этом регионе на протяжении всей эпохи капитализма. В 1902—1905 гг. общий коэффициент смертности в сельской местности Сибири был выше, чем в селениях Европейской России, на 1,1 ‰; в 1906—1910 — на 5,0; в 1911—1914 гг. — на 6,9 ‰³³.

Специалисты-врачи считали, что громадная смертность грудных детей (в возрасте до года умирало, по меньшей мере, 3—4 из каждого десятка новорожденных)³⁴ ежегодно в июне-сентябре была связана с действием слишком высокой летней температуры на нежный детский организм, с ускоренным распространением инфекции дизентерии при малом

²⁹ См.: Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за 1907 г.: Текст. СПб., 1909. С. 145; Отчет о состоянии... за 1908 г.: Текст. 1910. С. 170, 178.

³⁰ Подсчитано по источнику: Материалы по обследованию переселенческого хозяйства в Степном крае, Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерниях. СПб., 1905. Ч. 1. С. 101.

³¹ Подсчитано по источникам: Статистика Российской империи. СПб., 1907. Вып. 66. С. 262—275; 1909. Вып. 70. С. 262—275; 1911. Вып. 74. С. 262—275.

³² Эттеин А. В поисках земли // Сибирская жизнь. 1907. 17 апр.

³³ Подсчитано по данным: Зверев В. А. Крестьянское население... С. 41 (табл. 8).

³⁴ Подсчитано по источникам: Статистика Российской империи. Вып. 66. С. 262—275; Вып. 70. С. 262—275; Вып. 74. С. 262—275; Талько-Грынцевич Ю. Д. Продолжительность жизни русского населения в Забайкалье, вычисленная на основе смертности в 11 приходах за 23 года (1869—1891). М., 1898. С. 6—11.

количестве осадков и низком уровне почвенных вод. Главной же причиной было отсутствие надлежащего ухода за ребенком со стороны матери и правильного питания во время очень интенсивных в Сибири летне-осенних полевых работ³⁵. Дети в возрасте 1—5 лет чаще всего умирали уже не от летних «кровавых поносов», а зимою от оспы, кори и скарлатины. Знаменитые сибирские холода заставляли людей надолго скучиваться в жилищах (что облегчало распространение инфекции), учащали различные осложнения у выздоравливающих «челяденков». В старших возрастных группах, кроме эпидемий, большое влияние на смертность оказывали простудные заболевания, особенно частые при резких перепадах погоды осенью и весной.

«Неудобная» география Сибири сказывалась и на крайне неудовлетворительном состоянии здесь медицинского обслуживания населения. Разъезды врачей и фельдшеров, акушеров были чрезвычайно затруднены дальностью расстояний и плохим состоянием транспорта. Самую обычную картину рисует годовой отчет Верхнеудинского окружного врача Забайкальской области за 1893 г.: «На округ с населением до 150 тысяч один врач и три участковых фельдшера. “Радиус” участка фельдшера до 100 верст, врачу же приходится при разъездах делать конец в 400—500 верст, — условия несовместимые с оказанием помощи населению»³⁶. В отчетах медицинских учреждений при объяснении причин широкого распространения оспы регулярно встречаются прямые указания на «обширность пространства», «разбросанность населения», «неудобные проселочные пути сообщения, сильно затруднявшие иной раз разъезды как оспопрививателей, так и врачей, проверявших успешность оспопрививания»³⁷.

Ошибкой было бы, впрочем, фиксировать все внимание только на негативных сторонах природной ситуации в Азиатской России. Некоторые физико-географические свойства основных, наиболее заселенных местностей Сибири (сухость климата, обилие разнообразных природных ресурсов, большое количество солнечных дней в году, наличие источников целебных вод и др.) привлекали сюда новых жителей, помогали сибирякам сохранять и поправлять здоровье, вдохновляли лучших медиков на профессиональный поиск в области климатотерапии. В 1904 г., например, в Омском медицинском обществе оживленно обсуждался вопрос о целебности климата Сибири для чахоточных (туберкулезных) больных. Врачи-исследователи обратили внимание на то, что в Сибирском военном округе по статистике предшествующего периода оказалось значительно меньше туберкулезных заболеваний, чем в остальных округах; что многие поляки уже используют благотворное

³⁵ См.: *Гедройц-Юраго В. П.* Санитарно-статистический очерк... С. 170—171.

³⁶ ГАЧО, ф. 1, оп. 2 врач, отд., д. 147, л. 226.

³⁷ Отчет Медицинского департамента МВД за 1886 г. СПб., 1888. С. 235; Отчет Медицинского департамента МВД за 1887 г. 1889. С. 222—223.

качество сибирской природы, известное даже в Западной Европе, оставаясь здесь на долгое жительство³⁸.

В изучаемом вопросе будет невозможно разобраться, если не принять во внимание следующий факт: природные условия разных местностей Сибири при некоторых общих чертах все же сильно отличались друг от друга и потому по-разному воздействовали на воспроизводство народонаселения.

Еще в начале изучаемой эпохи исследователь Е. Анучин на материалах 1851 — начала 1860-х гг. статистически установил зависимость смертности сельчан Тобольской губернии от географической широты местности, амплитуды годовых колебаний температуры воздуха и прочих естественно-географических свойств региона. Минимальные показатели смертности были при этом отмечены им «в местностях, где лесов немало, но и немного — от 1/3 до 1/2 площади приходится на леса. Как недостаток леса, так и избыток действуют на человека вредно, недостаток вреднее избытка. <...> Менее всего смертность в местностях, где под водою находится от 1/100 до 1/20 площади. Недостаток воды действовал вреднее избытка»³⁹. Доктор А. И. Ремезов, проанализировав в сравнительном плане санитарно-гигиенические условия жизни сельского населения в различных местностях Западной Сибири 1860—1870-х гг., пришел к выводу: в северной тундрово-лесисто-болотистой полосе здоровье жителей сильно страдало от вредных воздействий холода и сырости, здесь были очень частыми простудные заболевания. Не очень благоприятными оказались условия и в южной гористо-песчано-степной полосе. А вот в средней и южной лесисто-гористой зонах «естественные богатства местности» обуславливали не только более крепкое здоровье, но и сравнительную зажиточность крестьян, что было тесно взаимосвязано⁴⁰.

В тех или иных местностях существовали специфические особенности природной среды, оказывавшие воздействие на здоровье. Наряду с районами относительно благоприятными, славившимися среди сибиряков и стремившихся именно сюда мигрантов хорошим климатом и богатством природы (предгорья Алтая, Минусинский и Ачинский округа Енисейской губернии и др.), имелись и особо «гиблые» места. Отметим некоторые из них.

В степной зоне юга Западной Сибири имелись анклавные территории, жители которых страдали от недостатка чистой воды. Медицинские органы многократно обращали внимание на прямую связь между широким распространением эпидемии брюшного тифа, других заразных болезней, «перемежающейся лихорадки» и вынужденным длительным употреблением

³⁸ См.: Протоколы Омского медицинского общества, 1903—1904 гг. Омск, 1904. Вып. 2. № 2/6. С. 101—102.

³⁹ Анучин Е. Смертность в Тобольской губ. // Памятная книжка Тобольской губ. на 1864 г. Тобольск, 1864. С. 345—346, 348.

⁴⁰ См.: Ремезов А. И. Очерк санитарного состояния Западной Сибири. Омск, 1880. С. 32, 87, 100, 122, 137, 174.

«дурной» (застоявшейся, болотистой, сильно загрязненной) воды в отдаленных от рек местностях Акмолинской области и степной Кулунды⁴¹.

На северо-востоке Сибири крестьян поджидала другая беда. В таежных округах Енисейской и особенно Иркутской губернии в низменных, окруженных высокими горами, заболоченных речных долинах, слабо освещенных и плохо продуваемых ветром, на протяжении всей изучаемой эпохи было широко распространено заболевание зобом. Неразлучным спутником эндемии зоба были многочисленные случаи наследственного идиотизма. По данным врача Н. И. Кашина и наблюдениям известного этнографа П. А. Ровинского, в 1860-х — 1871 гг. в четырех округах Иркутской губернии (Верхоленском, Киренском, Балаганском и Иркутском) в 270 заселенных местностях проживало 3432 человека зобатых и 145 кретинов, что составляло около 5 % населения. В иных селениях (например, во Введенском на р. Иркуте) доля страдающих зобом среди жителей доходила до 1/3⁴². Иркутская и Енисейская губернии оказывались «чемпионами» в России по количеству новобранцев, признававшихся негодными к военной службе из-за зоба, и в 1880-е гг.⁴³

Крайне суровые природно-климатические условия и отдаленность края, сказываясь на здоровье крестьян и затрудняя развитие хозяйства, транстерриториальные браки и общение людей, сформировали на верхней Лене группу населения, отличающуюся малорослостью и истощенностью, слабой жизненной энергией, умственной «заторможенностью», что было вообще не характерно для обычного относительно крепкого и высокорослого сибирского русского населения⁴⁴.

На северо-востоке Сибири, особенно в Забайкалье и Иркутской губернии, в сельской местности ежегодно в конце зимы и весной сильнее всего распространялось также заболевание цингой (скорбутом). Наряду с социально-экономическими и бытовыми причинами это объясняется местными климатическими условиями, которые затрудняли земледелие (что сказывалось на недостатке хлеба и витаминосодержащих овощей и корнеплодов, заготавливаемых впрок) и вынуждали длинной холодной зимой проводить много времени в плохо освещенных солнцем избах⁴⁵. В среде старожилов-сибиряков цинга развивалась в основном в «нехватных» домохозяйствах в неурожайные годы.

⁴¹ См.: Отчет Медицинского департамента МВД за 1878 г. 1880. С. 56; Отчет Медицинского департамента МВД за 1890 г. 1893. С. 47; *Усов Ф. Н.* Статистическое описание Сибирского казачьего войска. СПб., 1879. С. 170.

⁴² См.: *Кашин Н. И.* Зоб и кретинизм вне и в пределах России, в особенности в Приленской долине и по другим местностям Иркутской губ. Иркутск, 1871. С. 180—195; *Ровинский П. А.* Рец. на кн.: Кашин Н. И. Зоб и кретинизм... // Известия Сибирского отд. РГО. 1871. Т. 1. № 4/5. С. 90—92.

⁴³ См.: Отчет Медицинского департамента МВД за 1882 г. 1885. С. 355—356.

⁴⁴ См.: *Кашин Н. И.* Зоб и кретинизм... С. 191; *Птицын В. В.* Очерки народной жизни по р. Лене // Вестник Европы. 1893. № 2. С. 102.

⁴⁵ См.: Отчет Медицинского департамента за 1877 г. 1878. С. 46; Отчет Медицинского департамента за 1883 г. 1886. С. 244, 248.

Переселенческое же крестьянское население, у которого не было никаких запасов овощей и хлеба, страдало от цинги в марте-мае, до наступления теплой погоды и начала употребления в пищу побегов черемши («колбы»), в максимальной степени. На почве хронического недоедания и неудовлетворительного состояния жилищ болезнь охватывала нередко целые колонизационные районы не только Восточной, но и Западной Сибири⁴⁶.

В досоветской литературе довольно оживленно обсуждался вопрос о влиянии природно-климатических, географических факторов на расовый и этнографический облик русского населения Сибири. Развивая федералистские идеи Н. И. Костомарова, А. П. Щапова, А. И. Герцена, Н. П. Огарева и других общественных деятелей России, выдающийся впоследствии географ и этнограф Г. Н. Потанин первым поставил вопрос о формировании особого антропологического и этнокультурного типа русских сибиряков. По его мнению, новая этническая общность оформляется в сравнительно однообразных и в то же время резко специфических условиях климата (сухость воздуха, резкое колебание температуры, преобладание весенних и летних дождей над осенними и т. д.) путем интеграции разнообразных групп русских старожилов и новоселов. Этот тип населения формируется главным образом в лесостепной полосе и на южной опушке тайги, а затем медленно проникает в степь⁴⁷. Позднее данная концепция была развита Н. М. Ядринцевым, А. П. Щаповым, П. М. Головачевым и другими областниками, вычленявшими не только географические (ландшафтные, почвенные, климатические) факторы формирования новой «народности», но также расово-этнографические (смешение русских с сибирскими аборигенами), исторические и бытовые⁴⁸. Для всестороннего обоснования своих тезисов «сибирским патриотам» не хватило в свое время конкретного сравнительного антропологического и этнографического материала, и они не получили однозначной поддержки в среде исследователей.

Уже в начале 1890-х гг. областническая концепция была подвергнута критике такими авторитетными учеными, как А. Н. Пыпин и А. А. Кауфман, в частности, за переоценку степени однородности природных и культурно-бытовых условий жизни в разных районах обширной Сибири, за преувеличение масштабов и темпов влияния климата на этнический

⁴⁶ См.: Бедствия переселенцев по Ачинскому уезду // Сибирская жизнь. 1914. 22 апр.; Отчет о состоянии... за 1903 г. 1905. С. 98—99; Протоколы Омского медицинского общества, 1901—1902 гг. Омск, 1901. Вып. 1. № 1. С. 35—36.

⁴⁷ См.: Потанин Г. Н. Климат и люди Сибири // Томские губернские ведомости. 1865. 26 марта; 2 апр.

⁴⁸ См.: Ядринцев Н. М. Этнологические особенности сибирского населения // Томские губернские ведомости. 1865. 23 апр.; Щапов А. П. Историко-географические и этнологические заметки о сибирском населении // Известия Сибирского отд. РГО. 1872. Т. 3. № 5. С. 243—274; Головачев П. М. Сибирь: Природа. Люди. Жизнь. М., 1905; и др.

тип населения⁴⁹. В конце XIX – начале XX вв., когда в результате массовых миграций до половины сельского населения Сибири стали составлять недавние переселенцы, не успевавшие «перерабатываться» в сибиряков, когда новые волны переселений захватывали территории, ранее относительно изолированные от внешнего демографического влияния, представления о существовании «особого типа русского племени» стали иметь совсем шаткую опору в реальности.

Исследователи-этнографы Д. А. Клеменц и А. А. Макаренко писали в 1908 г., указывая на слабые стороны взглядов Г. Н. Потанина: «Особым типом сибиряка признать нельзя. Таких местных типов, как сибиряк, в России можно найти много. Сравните рязанца с волжанином, — и между ними разница будет резче, чем между сибиряком и великороссом из-под Москвы. Климат вовсе уже не такой быстро и определенно действующий агент. Результаты климатических влияний очень разнообразны. Обитатель Барабы, минусинских и забайкальских степей ведет совсем иной образ жизни, чем житель тайги. И тайги не одинаковы. <...> Можно представить, что будет не один тип, а несколько, и все они будут резко различаться по материальной культуре»⁵⁰. Речь здесь фактически идет уже не о складывании нового народа, а о становлении региональных субэтнических общностей в рамках великорусского этноса в своеобразной природной и социальной среде Сибири.

В советской исторической и этнографической литературе вопрос о степени оформленности в субэтнические общности региональных, конфессиональных (старообрядцы), сословных (казачество) категорий русского населения, о влиянии на этот процесс переселенческого движения в Сибири второй половины XIX — начала XX вв. и о роли природно-географического фактора в этом процессе остается одним из слабоизученных. На стыке истории и географии сейчас формируется потенциально влиятельная школа Л. Н. Гумилева, предлагающая считать этнос «явлением географическим, всегда связанным с вмещающим ландшафтом, который кормит адаптированный этнос»⁵¹. В этой связи, на наш взгляд, особенно актуальным становится углубленное конкретно-историческое изучение процессов адаптации сельского населения Сибири к окружающей его в тот или иной исторический период природной обстановке. Этот сюжет притягивает к себе в последнее время внимание этнографов-сибиреведов⁵². Он нуждается также в дальнейшей

⁴⁹ См.: *Кауфман А. А.* Влияние переселенческого элемента на развитие сельского хозяйства и общинной жизни в Западной Сибири // *Северный вестник*. 1891. № 4. С. 319—320; *Пытин А. Н.* Русская народность в Сибири // *Вестник Европы*. 1892. № 1. С. 303; и др.

⁵⁰ *Альтерно* (Клеменц Д. А., Макаренко А. А.). Новый сборник статей о Сибири // *Сибирские вопросы*. 1908. № 33/34. С. 26.

⁵¹ *Гумилев Л. Н.* География этноса в исторический период. Л., 1990. С. 17.

⁵² См.: *Лебедева А. А.* Природная среда как фактор, изменяющий этнические традиции (на примере русских и украинских переселенцев в Сибири) // XXVII съезд КПСС... С. 196—197; *Литинская В. А.* 1) Традиционная пища русских в связи с условиями расселения // XXVII съезд КПСС... С. 199—200; 2)

разработке с историко-экономических, историко-культурных и историко-демографических позиций. Должно активизироваться изучение способов и результатов воздействия старожильского и переселенческого крестьянства на природную среду в Сибири с целью ее оптимизации — приспособления к потребностям земледельческого, животноводческого, промышленного производства, создания нормальных условий для здоровой и продолжительной жизни.